

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH152188-204>

Абдулмажидов Рамазан Султанович,
к.и.н., зав. отделом востоковедения,
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН, Махачкала, Россия
ramazana@yandex.ru

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СОЮЗОВ ОБЩИН ЮГО-ЗАПАДНОГО ДАГЕСТАНА С ГРУЗИЕЙ И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX В.

Аннотация. В настоящей статье раскрывается история взаимоотношений юго-западных союзов общин Дагестана и Кахетинского царства во второй половине XVIII – начале XIX в. Устанавливается, что политические и экономические контакты между ними, обусловленные взаимовыгодным сотрудничеством, в целом носили мирный и добрососедский характер. Во второй половине XVIII в. отмечается значительная активизация военно-политических и культурных связей Грузии и Дагестана. Приход Российской империи на Кавказ в начале XIX в. не только изменил расстановку военных и политических сил в регионе, но и кардинальным образом изменил характер торгово-экономических отношений между Дагестаном и Грузией. В этой связи, основное внимание уделяется тем процессам, которые начались после потери грузинской государственности, когда приграничные дагестанские общины пытались договориться с новыми властями. Кроме того, раскрывается политика дагестанских феодальных правителей, которых союзы общин Дагестана видели посредниками в своих взаимоотношениях с Российской империей. На основе многочисленных источников, как уже опубликованных, так и выявленных автором в Центральном историческом архиве Грузии, в статье рассматриваются наиболее важные события, происходившие в регионе в исследуемый период. По мнению автора, до назначения на Кавказ А.П. Ермолова Санкт-Петербург не спешил утверждать здесь свою власть, довольствуясь на первых порах «наружными знаками подданства» горцев. С приходом же последнего, проводившего политику по известному принципу «разделяй и властвуй», торгово-экономическая блокада горцев Западного Дагестана значительно усилилась, что привело в последующем к их активному участию в народно-освободительном движении народов Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е годы XIX в.

Ключевые слова: Российская империя; колониализм; Грузия; союзы общин Дагестана; торгово-экономическая блокада; Кавказская война.

© Р.С. Абдулмажидов, 2019

© Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2019

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH152188-204>

Ramazana S. Abdulmazhidov
Ph.D. (in History), Head of Department of Oriental studies,
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Scientific Center of RAS, Makhachkala, Russia
ramazana@yandex.ru

**MUTUAL RELATIONS OF COMMUNITIES
OF SOUTH-WESTERN DAGESTAN WITH GEORGIA
AND THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF
OF THE 18th - EARLY 19th CENTURY**

Abstract. The present article reveals the history of relations between the south-western unions of communities of Dagestan and the Kingdom of Kakheti in the second half of the 18th - early 19th century. It is established that political and economic contacts between them, due to mutual cooperation, were generally of a peaceful and good-neighbourly nature. In the second half of the 18th century there was a significant strengthening of military-political and cultural ties between Georgia and Dagestan. The arrival of the Russian Empire in the Caucasus in the early 19th century not only shifted the balance of military and political forces in the region, but also radically changed the nature of trade and economic relations between Dagestan and Georgia. In this regard, the main attention is paid to the processes that began after the loss of Georgian statehood, when the border Dagestan communities tried to negotiate with the new authorities. Furthermore, the author reveals the policy of Dagestan feudal rulers, whom the unions of Dagestan communities saw as intermediaries in their relations with the Russian Empire. On the basis of numerous sources, both already published and identified by the author in the Central historical archive of Georgia, the article considers the most important events that took place in the region during the study period. According to the author, before the appointment of A. P. Ermolov to the Caucasus, St. Petersburg did not rush to assert its power there, content at first with "external signs of citizenship" of the highlanders. With the arrival of the latter, who pursued the policy on the well-known principle of "divide and conquer", the trade and economic blockade of the highlanders of Western Dagestan increased significantly, leading to their subsequent active participation in the people's liberation movement of the highlanders of the North-East Caucasus in the 20-50s' of the 19th century.

Keywords: Russian Empire, colonialism, Georgia, Dagestan communities, the trade and economic blockade, Caucasian war

Военно-политические и экономические отношения союзов общин Юго-Западного Дагестана с Грузией в XVIII в.

Дагестан издавна поддерживал тесные контакты с Грузией, в особенности с восточной ее частью – Кахетией. С древнейших времен между ними шел процесс культурного, экономического и политического взаимовлияния. Об этом наглядно свидетельствуют как письменные источники, так и многочисленные археологические и этнографические материалы. По мнению одного из исследователей: «Грузия, будучи развитой в экономическом отношении страной, не только принимала активное участие в торговле с народами Дагестана, но и играла значительную роль в экономических связях дагестанских горцев с внешним миром» [1, с. 78].

По понятным причинам, наиболее тесные взаимоотношения с Кахетией установились, в первую очередь, у граничащих с ней дагестанских союзов общин – Анкратля, Тленсеруха и Цунта (Дидо), территории которых являлись транзитными пунктами, связывавшими остальные дагестанские общества с Грузией. Среди них особенно интенсивные контакты с кахетинскими соседями поддерживали союзы общин Анцух, Бежта (Капуча, Хванал) и Цунта (Дидо). В лексике цезского и бежтинского языков отражено значительное влияние соседнего государства на хозяйственно-экономическую жизнь горцев. В них присутствует большое число заимствованных слов, относящихся к предметам быта и домашней утвари. Это объясняется тем, что вследствие сурового климата в Анкратле и Цунта, экономические интересы их жителей были непосредственно связаны с Кахетией, а точнее с Алазанской долиной.

В Грузию горцы ввозили различные товары (ткани, бурки, оружие, шкуры, воск), а вывозили хлеб, рис, черные и цветные металлы, хлопчатобумажные и шерстяные ткани российского производства, огнестрельное оружие. Нередко они оставались в Кахетии на всю зиму, производили изделия из меди, серебра, деревянную посуду, продавали их на базарах и весной возвращались обратно в горы. Практически все взрослое население анкратлинского и цунтинского союзов общин вплоть до середины XX в. свободно говорило на грузинском языке.

Не случайно еще И. Гильденштедт, описывая союз общин Анцух, сообщал: «Сей Лезгинский округ также принадлежал прежде Кахетии и находился в 1772 г. с Картульскими Царями в добром согласии. Жители выгоняют зимою своих овец на Кахетинские земли и производят торг в Телави и Тбилиси» [2, с. 123]. В отношении гунзибцев и цунтинцев он добавлял, что «они были в прежние времена подданными Кахетии, откуда среди них распространилось христианство, от которого сейчас некоторые церкви и великий пост сохранились. Но они освободились от кахетинского владычества и сейчас они также не являются больше христианами, но также и не мусульманами и совсем без какой-либо именной религии. С грузинами они живут дружно и пасут своих овец в кахетинской

долине. У них нет князей, только старшины, и они являются бедными и невежественными людьми, платят дань могущественному округу Анцуг и Кабуч, таким образом, что 2 семьи ежегодно дают одну овцу» [3, с. 249].

Сведения о доминировании в регионе Анцуха и Бежты (Капуча) подтверждает и побывавший здесь в 1830 г. И. Норденстам. «Анцух и Хуанал в прежние времена составляли одно общество под названием Анцуха. Общество сие было тогда самое сильное в Антк-Ратле и славилось во всем Дагестане своим могуществом и богатством... Впоследствии времени начались несогласие и распри между деревнями, находящимися на Шара-Орѣа, и теми, которые расположены на Кудаб-Орѣа, так что сии последние отделились и составили особое общество под названием Хуанала. Сим разделением Анцух сделался гораздо слабее, и на прочие общества Антк-Ратля уже не имел прежнего влияния» [4, с. 323].

Вопреки распространившемуся с подачи некоторых исследователей мнению о «хищнической природе» дагестанских горцев, взаимоотношения анцухских, бежтинских и цунтинских обществ с Грузией на протяжении многих столетий в целом носили мирный характер и были обусловлены взаимовыгодным сотрудничеством. Совершенно справедливое мнение о дагестано-грузинских взаимоотношениях высказал грузинский историк Л.А. Чилашвили: «С одной стороны, особенности экономики в горных областях требовали от горцев поддержания теснейших контактов с населением Алазанской долины. С другой стороны, несмотря на крайнюю необходимость постоянных и теснейших экономических связей между обоими указанными районами, эти добрососедские отношения прерывались порой в связи с общеполитической ситуацией» [5, с. 97].

На наш взгляд, периоды «лекианобы» имели место в двусторонних отношениях, но были связаны, в первую очередь, со значительным социально-политическим упадком в XVII–XVIII вв. в самой Грузии. Антагонизм в дагестано-грузинских отношениях усиливался и по причине религиозных противоречий, когда восточная часть Грузии подпала под влияние шиитского Ирана [6, с. 3223–3228]. Кроме того, дагестанские горцы нередко совершали походы на соседние грузинские территории вследствие политических интриг, как персидских и османских правителей, так и междоусобиц грузинских феодалов.

Во второй половине XVIII в. правивший в течение долгого времени картли-кахетинский царь Ираклий II стремился заручиться поддержкой дагестанских союзов общин. Так, в промежутке между 1780 по 1795 гг. о заключении мирного договора с Ираклием II писали, к примеру, общины Бежта и Хашархота: «Бог – путеводитель. Да будет бесчисленный, беспредельный мир от всех обществ деревень Биджити и Хышерхи к господину Ираклий-хану, Грузинскому царю, которого слава распространилась в народах правосудием и благодеяниями. Да увековечит Бог его царство, да исполнит Он всякое его желание. Аминь. – После сего объявляем тебе, что мы приняли мир, заключенный между нами и тобою, и искренно согласились на таковой от ваших отцов до дня светопреставления. Если происходил разлад между вами и нами, то это было

до узрения нами вашего благодеяния, и те люди наши, которые нарушили обет, вернулись к жителям деревни и также приняли мир вместе с нами, и мы определили большой штраф со всякого, кто за сим нарушит обет и мир. Недосказанные слова на устах подателя» [7, с. 77].

Как следует из рапорта Д. Бурнашева князю П.С. Потемкину от 23 апреля 1784 г., в случае заключения мирного соглашения с какой-либо дагестанской общиной, ее жители получали вознаграждение. Денежные суммы и подарки получали и отдельные предводители горцев: «Когда из мирных деревень люди приезжают и предводители за жалованием, то приезжают с ними иногда и их военные люди до 600 или 700 человек, и пока они находятся у царя, дается им есть и пить. Из них до 60 аманатов всегда у царя имеется на его содержании. Ежели у которого из них лошадь падает, ружье или сабля испортится, царь за все платит. Когда же военные их люди домой возвращаются, царь дает им подарки. Сверх того, всегда у царя живут на царском содержании до 300 или 400 человек лезгин. Ежели и те отъезжают, дает царь и им подарки. Сей расход стоит царю иногда в год 50 000, а иногда 60 000 рублей. Три года тому назад требовал царь от них войска и как скоро войска пришли, дал царь им кроме подарков первой раз 100 000, а другой раз 110 000 рублей, а сверх того некоторые и платье взяли» [8, с. 163–164].

Также были нередкими случаи, когда представители дагестанских общин состояли на постоянной службе у грузинских царей. За это, по сведениям И. Норденстама, они получали вознаграждение: «При царе Ираклии деревни Сабуй, Шильда, Алматы и еще два селения платили капучинцам с каждого двора ежегодно по 5 абазов, одной курице, десяти хлебов и одной тупке водки, а деревни Кварели, Гавази, Чеканы и Кочетаны платили такую же подать анцухцам. За то сии два общества по востребованию царя Ираклия должны были из своей среды сформировать ополчение и действовать оным там, где царь прикажет. Правилom было положено, что в таковых случаях выходили все свыше 15 лет, исключая стариков. Такое ополчение было обязано само в исправности содержать свое вооружение; провиант и порох получались от царя во время нахождения на службе» [4, с. 323]. Вместе с тем, по одному из документов, датированному 1760 г., в числе народностей, выплачивавших подати Ираклию II, были «дидойцы, отнятые у Лезгин в течение последних 100 лет – 4000 семейств» [9, с. 129].

Таким образом, во второй половине XVIII в. между феодальной Грузией и союзами общин Юго-Западного Дагестана возникают своего рода военно-ленные отношения [10, с. 107], согласно которым не отдельные служилые люди, а целые общины обязаны были не только охранять грузинские северо-восточные границы, но и по необходимости выставлять воинов по призыву кахетинского царя. Тесные союзнические отношения приграничных дагестанских союзов общин с последним привели к появлению на левом берегу реки Алазани как постоянных, так и временных поселений. «Богнодальцы, капучинцы, анцухцы, дидойцы и другие жители Западного Дагестана, – отмечает

Д.М. Магомедов, – уже к началу XIX в. имели в Кахетии достаточно крупные поселения, в некоторых из них было до 50–80 жилых построек, что превышало поселения на их собственной территории» [11, с. 36]. Все вышеизложенное указывает на значительное возрастание интенсивности военно-политических и экономических контактов Грузии и Дагестана во второй половине XVIII в.

Вхождение Дагестана в состав Российской империи

В начале XIX в. обострилась борьба за Кавказ между Российской империей, Ираном и Османской Турцией. В Грузии, находившейся под влиянием восточных держав, между многочисленным потомством Ираклия II разгорелась борьба за престол. В ней участвовали и дагестанские феодальные владетели, принявшие сторону царевича Александра. В ноябре 1800 г. самый влиятельный дагестанский правитель, аварский нуцал Умма-хан Великий, вместе с отрядами Али-Султана Мехтулинского, Хаджи-Ахмед-хана Дженгутайского, Муса-хаджи Аксаевского, кадия Табасаранского, Сурхай-хана II Казикумухского вторгся в пределы Картли-Кахетинского царства. 19 ноября на реке Иори состоялось масштабное и кровопролитное сражение, в котором объединенные российско-грузинские войска нанесли горцам тяжелое поражение. Получивший ранение Умма-хан вскоре скончался в с. Джар. Под впечатлением от этой победы, одержанной с помощью российских войск, особенно ее артиллерии, умирающий картли-кахетинский царь Георгий XII изъявил свое желание вступить в российское подданство. Как писал грузинский историк З. Авалов, с этого периода «Грузия становилась на «новые рельсы» [12, с. 96].

30 января 1801 г. император Александр I обнародовал манифест о присоединении Грузии. Это вызвало недовольство восточных держав, и вскоре Закавказье стало ареной русско-персидской войны (1804–1813 гг.) и русско-турецкой войны (1806–1812 гг.). Они завершились для Российской империи победоносно и были ознаменованы новыми территориальными приобретениями. В историческом развитии народов Кавказа наступил новый этап.

Формально после заключения Гюлистанского мирного договора в 1813 г. весь Восточный Кавказ стал частью Российской империи, но фактически ее власть в регионе, особенно в Дагестане и Чечне, была номинальной и нуждалась в дополнительной легитимации. Чаще это осуществлялось в форме присяги феодальных владетелей или представителей союзов общин на верность российскому самодержцу. Правители дагестанских феодальных владений регулярно давали присяги на верность царю, получали за это чины и жалования соразмерно своему военно-политическому весу. Вместе с тем, они нередко игнорировали взятое на себя обязательство не вести политику, противоречащую интересам Российской империи. Присяга хоть и принималась как верноподданнический акт, однако таковым для них не являлась. Присягнувшие на верность империи не становились ее подданными, и не считали себя связанными обязательством подчинения.

Феодальные правители, связавшие себя присягой, вели самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику. Российской сторону это устраивало, пока действия дагестанских владетелей не противоречили ее интересам. Об этом свидетельствует то, что игнорирование присяги часто не влекло никаких последствий. Нарушители могли быть помилованы, если это сулило выгоды в будущем, а наказание не стоило затраченных усилий. В то же время, нарушители верноподданнической присяги могли быть наказаны низложением или лишением чина с отменой жалования.

Присяги принимались и от представителей общин или их союзов, однако они часто получали лишь подарки, но не чины и регулярные жалования. Этим русские власти усиливали позиции феодалов, к которым общины или их союзы вынуждены были прибегать в качестве посредников. При этом следует иметь в виду, что российская сторона четко понимала, что существующее положение – это временное явление. Также как понимали это и дагестанские владетели. Они были свидетелями того, как в тех регионах, где российская власть была сильна, вводились подати, устанавливались натуральные повинности, рекрутировались военные отряды, а некоторые ханства и вовсе ликвидировались.

Торгово-экономическая блокада союзов общин Юго-Западного Дагестана в нач. XIX в.

С ликвидацией грузинской государственности радикальным образом менялся характер грузино-дагестанских взаимоотношений. Присоединение Грузии к Российской империи в начале XIX в. сразу же отразилось на торгово-экономических отношениях союзов общин Западного Дагестана со своими грузинскими соседями, и вынудило их предпринять определенные шаги для сохранения отлаженных связей. Именно к этому периоду, на наш взгляд, относится недатированное письмо жителей «Бежитского общества», в котором, они обращаются к «Его высочеству» т.е. грузинскому царю Георгию XII. Напоминая о бывших добрососедских отношениях, они выражают надежду на их сохранение в будущем: «между нами было согласие по примеру наших предков, в чем и надо нам условиться, дабы мы служили вам согласно вашей воле, а вы пребывали бы в милости к нам». Вместе с тем, бежитинцы брали на себя обязательство выдавать грузинской стороне виновных в грабежах и набегах [7, с. 63].

Тем временем, российское командование, рассматривая грузинскую территорию, как плацдарм для покорения горцев Северного Кавказа, начало строительство системы пограничных укреплений, названной впоследствии Лезгинской кордонной линией. В рескрипте Александра I главнокомандующему в Грузии и на Кавказской линии К.Ф. Кноррингу от 12 сентября 1801 г. предписывалось: «лично обозрев пределы Грузии, сообразить вместе с правителем, как лучше устроить в Грузии часть таможенную и где и какие учредить карантинны, ... – и для пользы частных людей, с Грузиею торг производящих, весьма нужно поставить коммуникацию ее с Кавказскою Линиею в совершен-

ную безопасность и изыскать надежные средства обуздать народы, чинящие по пути сему хищничества...» [7, с. 433]. Позднее в качестве одного из таких средств российский император предложил «наказывать репрезалью всякое их предприятие в наших пределах» [7, с. 653]. Этим рескриптом кавказскому командованию предписывалось применять экономические санкции к дагестанским горцам, запретив им приезжать в Кахетию по торговым делам. Такая же мера по требованию «российского полномочного министра при грузинском дворе», «правителя Грузии», П.И. Коваленского, которому было вверено гражданское управление, стала применяться в отношении горцев, прибывавших во владения ахалцихского паши [7, с. 112]. Одновременно с этим, в качестве одной из мер по ужесточению блокады горцев, генерал И.П. Лазарев предлагал К.Ф. Кноррингу разорить Джары и Белоканы, чтобы «сим средством можно было бы Лезгин совсем загнать за горы» [7, с. 342].

В декабре 1801 г. депутаты от анцухского и бежтинского обществ прибыли к генералу И.П. Лазареву и объявили о своем желании вступить под покровительство российского императора и «служить, как до сего служили царям Грузинским». Обещая поспособствовать их прошению, И.П. Лазарев потребовал от них аманатов, которые стали бы залогом верности и неприсоединения к «хищничествам». Горцы отказались выдать аманатов, и тогда он приказал отогнать весь их скот обратно в горы. Узнав о том, что анцухцы и бежтинцы пошли на хитрость и отдали пасти свой скот соседям-тушинам, И.П. Лазарев приказал «сделать строгое рассмотрение» и конфисковать их скот, оказавшийся на грузинской территории [7, с. 654]. Подобное давление вынудило горцев выдать требуемых аманатов, но в связи с осложнением ситуации в Грузии, вызванным волнениями в Кахетии, они были отпущены «до времени, пока учредится в Грузии добрый порядок» [7, с. 655]. Волнения были связаны с деятельностью опального царевича Александра и его братьев. Граничащие с Кахетией дагестанские союзы общин (Анцух, Бежта, Карах и Цунта) оказывали Александру поддержку в его притязаниях на грузинский престол, какое-то время царевич даже скрывался в Анцухе. Но все его попытки поднять восстание в Кахетии закончились неудачей, и он был вынужден впоследствии эмигрировать в Персию.

В мае 1802 г. главнокомандующий на Кавказе К.Ф. Кнорринг выставил анцухцам ряд условий для получения разрешения на торговлю в Грузии: они должны «пребывать добрыми соседями» и не совершать «хищничеств», не помогать другим «неспокойным Лезгинцам» т.е. не пропускать «через жилища свои никого бы из ветренных Лезгинцев в Грузию» [7, с. 657]. Он также требовал от них письменного соглашения о выполнении указанных договоренностей и выдачи трех аманатов из знатных родов. Эти же условия были предъявлены к общинам селений Анди, Ботлих, Тандо, Шодрода и Ансалта, которым также, в обмен на разрешение торговли на грузинской территории, вменялось быть «мирными и благонамеренными соседями к Грузии» [7, с. 657].

В июле 1802 г. анцухские, бежтинские и карахские жители отправили письма к П.И. Коваленскому, в которых, изъявляя готовность пребывать в мире и

дружбе, просили разрешения на возобновление торговли в Грузии, и сообщали об отправке торгового каравана¹. Примечательно, что о восстановлении торговых связей с горцами просили в свою очередь и грузинские торговые люди и ремесленники, которые также претерпевали убыток от прекращения устоявшихся экономических контактов. Вследствие этого П.И. Коваленский разрешил одному торговому каравану, уже стоявшему на границе, войти в пределы Грузии, но для получения разрешения на возобновление торговли обратился к генералу К.Ф. Кноррингу [7, с. 660]. От последнего был получен ответ, в котором, соглашаясь с необходимостью возобновления торговых контактов с горцами, изъявлял свое «на торг сей согласие, только с принятием нужных предосторожностей, дабы под видом препровождения караванов не вкрадывались в Грузию Лезгинские хищники...» [7, с. 762].

«Хищников» боялись настолько сильно, что прибывшим в Тифлис «лезгинам» в количестве 122 человека было предписано торговать за городом, из-за того, что «пребывание такого количества подозрительно». Позднее выяснилось, что для этого не было никаких оснований². Кроме того, из-за опасений, что не будет хватать хлеба для «продовольствия войск в Грузии находящихся», его продажа за границу была ограничена. Как писал И.П. Лазарев: «лезгинские народы под видом производства торговли ездят в Карс, единственно для выменивания своих товаров на хлеб, который вывозят в свои пределы»³.

Вместе с тем, как следует из рапорта ген.-м. Гулякова Кноррингу, анцухцы и бежтинцы, в свою очередь, выставили несколько условий для их согласия на вступление в подданство. Посланный к ним некий Мирза доложил, что они соглашались на вступление в подданство на тех же правах, какие имели при грузинских царях. Кроме того, они требовали наказания виновных в смерти нескольких своих соплеменников, возврата отобранных стад и освобождения двух горцев, обвиненных в участии в набеге. Недовольный этими требованиями Гуляков указывал, что «лезгины владений тех» не вызывают доверия, что они так и не выдали аманатов и самовольно ходят в «грузинские селения по ту сторону реки Алазани»⁴.

В конце 1802 г. К.Ф. Кнорринг и П.И. Коваленский были отозваны с Кавказа, а новым главнокомандующим назначен князь П.Д. Цицианов. По свидетельству служившего под его началом генерала С.А. Тучкова, это был вспыльчивый, гордый и самолюбивый человек [13, с. 265], который стал применять жёсткие репрессивные меры по отношению ко всем северокавказским горцам. О них даже стало известно Александру I, который в своем рескрипте упрекал своих чиновников, указывая на то, что «нельзя оправдать кажется и поступков с ними разных чиновников или жителей наших, позволявших нередко себе отгонять

1 О позволении Анцухским и Капучинским лезгинам производить торговлю в Грузии // Центральный исторический архив Грузии (далее – ЦИАГ) Ф. 16. Оп. 1. Д. 49. Л. 2.

2 По отношению ген.-майора Лазарева о прибывших в Тифлис 122 лезгинах // ЦИАГ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 53 Л. 4.

3 О позволении Анцухским и Капучинским лезгинам производить торговлю в Грузии // ЦИАГ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 49 Л. 5–6.

4 Там же. Л. 10.

их скот и делая им другие притеснения, отвлекая их от нас и истреблявших всякую доверенность» [14, с. 8]. Однако, как писал сам П.Д. Цицианов, вместо того, чтобы жалованием и подарками, привлекая горские народы, «платить некоторый род дани за мнимое их подданство», он «дерзнул» установить новые правила, наоборот требуя дани от них [14, с. 758]. Еще одним его новшеством было введение практики отправки пленных горцев в Сибирь, о чем он сообщал в письме к министру иностранных дел А.А. Чарторыйскому [14, с. 761].

В феврале 1803 г., обвинив анцухских, цунтинских и бежтинских горцев в том, что они «тамошних жителей подговаривают к склонению царевича Александра на сопротивление противу Российских верноподданных», ген.-м. В.С. Гуляков предлагал П.Д. Цицианову «сих злодеев с того места в горы удалить или в залог верности тамо кочующих Лезгин вместо аманатов, – их самих или и со скотом захватить» [14, с. 155]. Весной 1803 г. по его требованию к нему прибыли представители от анцухского и бежтинского обществ «с каждой деревни по человеку», которые просили позволить им вернуться в свои села для того, чтобы посоветоваться о подати, «какую в состоянии будут платить, и тогда уже прислать настоящих доверенных для присяги на подданство» [14, с. 684].

Нельзя не упомянуть здесь также о том, что в этот период П.Д. Цицианов основное внимание уделял покорению джарских аварцев, с которыми общины Юго-Западного Дагестана были связанными кровнородственными узами. В апреле 1803 г. после военного вторжения царских войск на их земли, представители джаро-белоканских общин в Тифлисе объявили о своей «покорности». На вольные Джарские общества был наложен ряд ежегодных повинностей. Как писал П.Д. Цицианов, «наложенная на них дань, построенный редут, оставляемый в оном гарнизон и занятые важнейшие посты по р. Алазани, могут быть достаточным ручательством, что если бы подданство их было, подобно многим числящимся таковыми горским народам, нечистосердечно, то сделается для них неизбежным» [14, с. 687]. Столкнувшись с отказом джарцев выплачивать подати, кавказский наместник пишет к ним письмо, называемое, к сожалению некоторыми современными исследователями «шедевром военно-литературного жанра». Вот наиболее характерный фрагмент из него: «...Вижу, вы не чувствуете моей жалости к пролитою вашей крови реками и к лишению вас домов ваших и имения; ждите время, соберите всех дагестанцев и готовьтесь перемерзнуть в снегу между гор, буде стоять устраситесь. Не обманете вы меня другой раз, истреблю вас с лица земли, и не увидите вы своих селений; пойду с пламенем по вашему обычаю, и хотя русские не привыкли жечь, но спалю все то, что не займу войсками, и водворюсь навеки в вашей земле... Знайте, что, писав письмо к вам неблагодарным, кровь моя кипит, как вода в котле, члены все дрожат от ярости. Не генерала я к вам пошлю с войсками, а сам пойду, землю вашей области покрою кровью вашей, и она покраснеет, но вы яко зайцы уйдете в ущелья, и там я вас достану, и буде не от меча, то от стужи поколеете. Дагестанцы же, которых вы оставили зимовать, будут свидетелями тому и также помрут; вы хлеб увезли в ущелье, но со смертью своей его есть будете...» [14, с. 690]. Несмотря на угрозу самому возглавить войска и наказать джарцев,

П.Д. Цицианов отправил к ним генерала Гулякова, который попал в засаду, организованную объединенными войсками джарцев и дагестанских горцев под командованием Сурхай-хана Казикумухского и Алискандера, отца будущего имама Дагестана – Гамзат-бека. Генерал Гуляков был убит, а его отряд понес тяжелые потери. Разгневанный П.Д. Цицианов, обращаясь к джарцам, вновь грозил: «Дождетесь вы моего посещения, и тогда не дома я ваши сожгу, – вас сожгу, из детей ваших и жен утробы выну...» [14, с. 691].

В апреле 1804 г. анцухские, бежтинские и цунтинские горцы вновь обращаются с прошением о принятии их в российское подданство, согласившись на выдачу аманатов и выплату податей [14, с. 692]. И на какое-то время они получают разрешение на торговлю в Кахетии. Более того, товары, ввозимые в Грузию горцами, освобождались от пошлин «дабы таковою льготой, областям под державу Е. И. В. покорившимся, показать для других пример особенного Монаршего милосердия и тем привлечь их под власть скипетра Г.И.» [15, с. 46]. Однако решение о беспошлинной торговле для горцев вскоре было отменено.

В 1806 г. Александр I в своей инструкции к новому главнокомандующему на Кавказе предписывал: «С горскими народами вести войну по-прежнему, сохраняя возможную бдительность для отражения их наглостей... Соразмеряя, однако же, наказание с преступлением, поскольку война есть обыкновенный их образ жизни. Но Дагестан непременно и надолго нужно еще держать в блокаде, не подаваясь ни мало во внутренность гор, хотя бы представилась тому временная удобность. Ибо между могущею быть пользою и опасностью, нет никакой соразмерности. Единственный способ, могущий быть действительным и полезным против горских народов, состоит в том, чтобы, довольствуясь наружными знаками их подданства, стараться удержать их в блокаде» [16, с. 202]. Получив подобные указания, кавказское командование распорядилось усилить меры по охране границы с дагестанскими горцами⁵.

Подобная политика стала постепенно приносить желанные для кавказского командования результаты. Осенью 1806 г. с прошением о вступлении в подданство обратились представители одного из трех цунтинских союзов общин – Дидо-Шайтль (Иланхеви). Возглавлявший депутацию Абакар Муртузалов объявил о том, что послан предводителем союза общин по имени Чамхал Халилов, чтобы сообщить о намерении «12 деревень иланхевской провинции» присоединиться к российскому подданству⁶. Получивший приказание разузнать об истинных причинах подобного желания цезских общин, телавский капитан-исправник докладывал правителю Грузии П.М. Литвинову, что они вступают в подданство для того, чтобы получить беспрепятственный пропуск для торговли на территории Российской империи, поскольку их «бесплодные горы» не позволяют обеспечить себя хлебом. Взамен они обещали сообщать о возможных нападениях со стороны Дагестана и выдать с каждого своего селения по два аманата⁷.

⁵ О принятии мер против лезгин, расположенных за Алазанью // ЦИАГ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 398. Л. 6.

⁶ Дело по рапорту телавского начальника капитана-исправника о намерении сопредельных к телавскому уезду Иланхевской Лезгинской провинции двенадцати деревень лезгин присоединиться к российскому подданству // ЦИАГ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 446. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 6.

Примечательно, что депутация из Иланхеви на пути из Телави в Тифлис подверглась нападению «хищнической лезгинской партии», а некоторые старшины были взяты в плен. В связи с этим правитель Грузии П.М. Литвинов писал к Гудовичу, что «в разрешение сего обстоятельства, могущего подать сомнение сим народам и озлобить их против Российского правительства, я предписал исправнику отправить к ним надежного армянина, знающего язык, с объявлением о происшествии и обнадежении, что Российское правительство не оставит выменять на пленных лезгин находящихся у нас, сих двух начальников, если только они узнают, какие хищники их захватили»⁸. Впрочем, через некоторое время к телавскому капитану-исправнику прибыл некий цунтинец, который сообщил о том, что упомянутые старшины уже освободились из плена и вернулись домой⁹. А в мае следующего 1807 г. к нему же явилась депутация старейшин из Иланхеви, «из двенадцати деревень под одному человеку», которая вновь подтвердила намерение вступить в российское подданство¹⁰.

Картина политических реалий, установившихся в Дагестане в начале XIX в., будет неполной, если не упомянуть о политике дагестанских феодальных владетелей. В сложившейся ситуации каждый из дагестанских правителей выбирал свой путь. Всячески пытался сохранить независимость Адиль-хан, уцмий Кайтагский. Верным сторонником Российской империи был Мехти-шамхал Тарковский.

Значительные затруднения возникли при распространении российской власти в Нагорном Дагестане. Несмотря на то, что правитель Аварского ханства Султан-Ахмед-хан еще в 1803 г. присягнул на верность императору, он старался вести самостоятельную политику, как и многие союзы общин горцев Нагорного Дагестана. В 1807 г. он просил нового главнокомандующего кавказскими войсками И.В. Гудовича вновь разрешить горцам беспошлинную торговлю с Грузией, на что получил отрицательный ответ.

Стараясь укрепить свое политическое влияние в регионе, Султан-Ахмед-хан неоднократно просил царское командование на Кавказе наделить его особыми полномочиями по контролю торговли горцев в Кахетии. Для этого он предлагал еще князю П.Д. Цицианову: «Если кто под видом торговли, без моего письма и печати прибудет, таковым не верить» [14, с. 770].

Позднее, обращаясь уже к генералу А.П. Тормасову, Султан-Ахмед-хан снова пытался закрепить за собой право выдачи разрешений на торговлю в Кахетии: «Если со стороны Андальцев и со стороны других обществ прибудут в Тифлис караваны без моего письма, то они – изменники; задержите их у себя до тех пор, пока не пришлются к вам аманаты от всех обществ тех караванов» [17, с. 609]. Адресат, соглашаясь с аварским ханом, добавлял, что для обуздания непокорных «народов, живущих в горах и обращающихся к хищничеству», необходимо запретить впускать их скот в пределы Российской империи, и также

8 Там же. Л. 11.

9 Там же. Л. 16.

10 Там же. Л. 27.

не позволять им покупать там «необходимых жизненных потребностей». Он также сообщал, что, зная о действенности этой меры «для укрощения тех непокорных Дагестанцев», потребовал ее применения на подвластных им территориях от шамхала Тарковского и Кайтагского уцмий [17, с. 611].

Одновременно с аварским ханом выдачу разрешений на торговлю в Кахетии стремился контролировать и полковник Сурхай-хан, другой представитель рода аварских нуцалов. Их интерес, помимо прочего, был вызван и тем, что за каждую приведенную к присяге дагестанскую общину они получали денежное вознаграждение¹¹. Примечательно, что в этот процесс пытался вмешаться и каратинский старшина Курбан, который вел активную переписку с кавказским командованием. Выступая в роли посредника между некоторыми общинами Западного Дагестана и российскими властями на Кавказе, он просил последних «содействовать их купцам благополучным и поспешным их возвращением по окончании торговли, ибо осенью горы покроются льдом, и дорога будет трудная по случаю стужи. Благополучное возвращение этих купцов поощрит жителей других деревень к покорности вам и жителей других городов ко вступлению в подданство»¹².

Осознавая эффективность экономических санкций, российское командование на Кавказе все чаще стало применять их против дагестанских горцев. В большей степени от них страдали союзы общин Юго-Западного Дагестана, для которых с наступлением холодов было жизненно необходимо перегнать имевшийся у них скот на территорию Грузии. Обращая внимание на это обстоятельство, А.П. Тормасов писал: «С сим народом можно говорить осенью и зимою, потому что они в сие время всегда бывают сговорчивее, и можно тогда из них все делать; в летнее же время обыкновенно у них болят головы от ветров» [17, с. 619; 18, с. 8].

Горцы, крайне недовольные сложившейся ситуацией, организовали ряд набегов на территории Алазанской долины. Так, в сентябре 1811 г. «партия глуходаров в числе 700 человек» совершила несколько нападений на поселения, расположенные по левому берегу реки Алазани, и вернулась обратно¹³. Подобная эскалация ситуации на границе приводила к тому, что кавказское командование запрещало союзам общин Юго-Западного Дагестана перегонять свой скот на зимовку в Кахетию. Архивы сообщают о неоднократных обращениях анцухцев¹⁴ и бежтинцев¹⁵ с просьбами о снятии подобного запрета.

Военно-политическая ситуация в Дагестане еще более осложнилась с назначением в 1816 г. командующим Отдельным кавказским корпусом и «главноуправляющим гражданской частью и пограничными делами в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях», генерала А.П. Ермолова. Прославившийся

11 О поступлении дагестанских обществ в российское подданство // ЦИАГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2371. Л. 144.

12 Письмо старшины Курбана Каратинского главнокомандующему на Кавказе И.Ф. Ртищеву // Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп. 1. Д. 551. Л. 8.

13 О нападение, совершенном глуходарами на с. Белокан // ЦИАГ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1127 Л. 2; О нападении хищников // ЦИАГ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1168. Л. 4

14 Письмо анцухцев к главнокомандующему на Кавказе (на арабском языке) // ЦИАГ. Ф. 1454. Д. 10. Л. 5.

15 О просьбе Капучинского общества разрешить беспрепятственный прогон овец на пастбища. 1815 г. // ЦИАГ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1690. Л. 3.

в Отечественной войне, он пользовался абсолютным доверием и поддержкой Александра I и стал проводить жесткую политику военного покорения края. Вместе со своим соратником генералом Вельяминовым он разработал систему осадных операций на Кавказе. Царские войска стали занимать линии передовых военных укреплений и наиболее важные стратегические пункты, устраивать укрепления вблизи главных аулов. Предприняв ряд репрессивных мер в Чечне и построив там ряд крепостей, А.П. Ермолов приступил к утверждению российской власти в Дагестане. Полагая, что подвластное население необходимо держать в страхе и повиновении, он обращался с горцами очень грубо, его переписка с ними часто сопровождалась бранью и угрозами. Такие его действия вызвали недовольство даже у находившихся на царской службе правителей Аварии, Кази-Кумуха, Мехтулы, Кайтага, Табасарана и союза общин Акуша. Одни из них считали недостаточными полученные ими привилегии, а другие не могли смириться с утратой политической самостоятельности. В результате в Дагестане вспыхнуло восстание феодальных владетелей, которое было жестоко подавлено.

Действия А.П. Ермолова разрушали традиционный образ жизни народов Дагестана. Блокада одних горских обществ, лишение пахотных земель других, изгнание горцев с зимних пастбищ в предгорьях и на равнине, нарушали сложившиеся веками сельскохозяйственные и торговые связи. Большинство горских обществ не могли обеспечить себя всем необходимым и напрямую зависели от хозяйственных связей с равниной. Кроме того, покорившиеся, т.н. «мирные общества», были обязаны снабжать царские войска за бесценок дровами, лошадьми и телегами. На них возлагалась также и трудовая повинность по сооружению дорог и содержанию их в исправном состоянии.

18 ноября 1818 г. Ермолов отменил данное ранее анцухцам и бежтинцам разрешение на ведение торговли в пределах Грузии. В предписании кн. Г.Е. Эристову он также распорядился запретить и всем жителям Аварского ханства приезжать в Кахетию по торговым делам, а привозимые ими товары конфисковывать и передавать в собственность тем, кто «представит начальству захваченных аварцев» [19, с. 26]. В следующем году под предлогом предотвращения набегов горцам западно-дагестанских союзов общин был вовсе закрыт доступ в Закавказье. Чтобы отрезать их от равнины, сооружались кордонные линии, в отдельных местах население изгонялось с земель.

Кроме того, царское командование, обвинив цунтинцев в нападении на деревню Сабуе в январе 1821 г., посадило их аманатов в тюрьму и объявило о том, что «самых дидойцев, когда по коммерции или другим надобностям будут приезжать в Кахетию; то арестовать и содержать под строгим караулом, равно и приходящие от них караваны конфисковать в пользу казны» [19, с. 15]. Цунтинцы, в свою очередь, отрицая участие в нападении, обратились с просьбой о принятии их в российское подданство. Кн. Эристов рекомендовал ген-м. Вельяминову простить их, объясняя, что это «необходимо потому, чтобы обеспечить пограничные с ними наши селения безопасностью» [19, с. 16]. Последний да-

ровал испрашиваемое цунтинцами «прощение» и требовал от них выполнения ряда условий: не иметь торговых связей с теми народами, которые не входят в российское подданство; не пропускать эти народы через свои земли к границам Грузии; нести ответственность за любое преступление, совершенное цунтинцами или другими горцами, прошедшими через их земли в Грузию [19, с. 16].

Таким образом, приведенный выше калейдоскоп событий показывает, что политическая обстановка на Кавказе в начале XIX в. была крайне нестабильной. Российская империя вышла победительницей в борьбе за этот регион с восточными державами. Установление российской власти в Дагестане происходило неодинаково. Если Южный и Приморский Дагестан уже в начале XIX в. фактически потеряли свою независимость, то ряд феодальных владений Нагорного Дагестана и союзы общин продолжали сохранять политическую автономию.

Осознав, что грузинские правители утратили политическую автономию, союзы общин Нагорного Дагестана, для которых необходимо было сохранить торговые взаимоотношения с Грузией, стали предпринимать определенные шаги. В Тифлис – штаб-квартиру российских войск на Кавказе, от них стали поступать многочисленные прошения о принятии в подданство Российской империи. При этом, обязательным условием вступления какой-либо общины под российский протекторат, ставилась выдача аманатов т.е. политических заложников. Аманаты содержались в Тифлисе, по истечении оговоренного срока одни аманаты заменялись другими членами общины, в основном представителями знатных родов.

Насыщенный событийный ряд свидетельствует о том, что принятые российским командованием решения по отношению к дагестанским союзам общин неоднократно менялись. Непоследовательность в политике российского командования в Дагестане отчасти объясняется и частой сменой руководящего состава царской администрации в регионе. Расположенные на северном склоне Главного Кавказского хребта дагестанские союзы общин были поставлены перед выбором: разрешение на ведение торговли и перегон скота в зимний период в Кахетии ставились в зависимость от принятия российского подданства. К ним применялся также принцип круговой поруки. Если кто-либо из горцев обвинялся в совершении преступления на грузинской территории, то к ответственности привлекались аманаты от его общины, к которой тоже применялись самые жесткие меры. Горцев, приезжавших с целью торговли в Закавказье, арестовывали, а их товары подвергали конфискации.

До назначения на Кавказ А.П. Ермолова, Санкт-Петербург не спешил утверждать здесь свою власть, довольствуясь на первых порах «наружными знаками подданства» горцев. С приходом же последнего, проводившего политику по известному принципу «разделяй и властвуй», торгово-экономическая блокада горцев Юго-Западного Дагестана еще более ужесточилась. Как пишет один из современных исследователей: «осознав, что европейские основы стратегии были малопригодны для Северного Кавказа», кавказское командование начало

"правильную осаду", в которой присутствовали бы операции всех типов» [20, с. 20]. Основным пунктом в этой «осаде» стала политика торгово-экономической блокады, которая значительно ухудшила социально-экономическое положение населения соседних с Грузией союзов сельских общин. В последующем это стало одной из главных причин их активного участия в народно-освободительном движении народов Северо-Восточного Кавказа 20–50-х гг. XIX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гасанов М.Р. Дагестан и народы Кавказа. Махачкала, 2008. – 191 с.
2. Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809. – 392 с.
3. Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002. – 508 с.
4. Норденстам И. Описание Анкратля // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. / Под ред. М. О. Косвена и Х. М. Хашаева. Москва: Издательство восточной литературы, 1958. – 367 с., 1958. – 367 с.
5. Чилашвили Л.А. Дзвели Гавази: историко-археологическое исследование. Тбилиси, 1975. – 120 с.
6. Мусаев М.А. Взгляд на «Лекианоба» в контексте изучения правовых заключений дагестанских ученых-богословов XVIII в. // Фундаментальные исследования. 2013. № 10–14.
7. Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1866. Т. I. – 816 с.
8. Межкавказские политические и торговые связи восточной Грузии (конец 60-х – начало 90-х годов XVIII в.). Документы и материалы. I вып. Тбилиси, 1980. – 220 с.
9. Цагарели А. Новые архивные материалы для истории Грузии XVIII столетия // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1883 г. Ч. 22.
10. Магомедов Д.М. Социально-экономическое развитие союзов сельских общин Западного Дагестана в XVIII – нач. XIX в. //

REFERENCES

1. Gasanov M.R. *Dagestan and the Caucasus*. Makhachkala, 2008. (In Russ.).
2. Gildenstedt I.A. *Geographical and statistical description of Georgia and the Caucasus*. St. Petersburg., 1809. (In Russ.).
3. Gildenstedt I.A. *Journey across the Caucasus in 1770–1773*. St. Petersburg., 2002. (In Russ.).
4. Nordenstam I. *Description of Ankratli History, geography and ethnography of Dagestan of the XVIII-XIX centuries* / Ed. M. O. Kosven and K. M. Khashaev. Moscow: Oriental Literature Press, 1958. (In Russ.).
5. Chilashvili L.A. *Dzheveli Gavazi: Historical and archaeological research*. Tbilisi, 1975. (In Russ.).
6. Musaev M.A. An overview of "Lekianoba" in the context of studying the legal conclusions of the 18th century Dagestan theologians *Fundamental research*. 2013 № 10–14. (In Russ.).
7. *Acts of the Caucasian Archeographic Commission*. Tiflis, 1866 Vol. 1. (In Russ.).
8. Inter-Caucasian political and trade relations of eastern Georgia (late 60s' - early 90s' of the 18th century). Documents and materials. 1st issue. Tbilisi, 1980. (In Russ.).
9. Tsagareli A. New archival material for the history of Georgia of the 18th century *Journal of the Ministry of Public Education*. Saint-Petersburg, 1883, Part 22. (In Russ.).
10. Magomedov D.M. Socio-economic development of unions of rural communities

Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980. – 208 с.

11. Магомедов Д.М. Из истории экономических и политических взаимоотношений народов Западного Дагестана с Грузией // Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и народами Кавказа. Махачкала, 1982.

12. Авалов З. Присоединение Грузии к России. СПб., 1906. – 322 с.

13. Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы. СПб., 2002. – 552 с.

14. Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1868. Т. II. – 1238 с.;

15. Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1869. Т. III. – 760 с.;

16. Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX в. М., 1923. – 392 с.

17. Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1870. Т. IV. – 1019 с.

18. Дубровин Н.Ф. Деятельность Тормасова на Кавказе // Военный сборник. 1877. № 11. С. 8.

19. Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1870. Т. VI. Ч. 2. – 954 с.

20. Лапин В.В. Стратегия русской армии на Кавказских войнах XVIII – XIX веков // Военно-исторический журнал. № 12. 2007. С. 20.

of Western Dagestan in the 18th – early 19th century *The development of feudal relations in Dagestan*. Makhachkala, 1980. (In Russ.).

11. Magomedov D.M. From the history of economic and political relations between the peoples of Western Dagestan and Georgia *From the history of relations between Dagestan and Russia and the peoples of the Caucasus*. Makhachkala, 1982. (In Russ.).

12. Avalov Z. *The accession of Georgia to Russia*. St. Petersburg, 1906. (In Russ.).

13. *Caucasian war: origins and the beginning. 1770-1820*. St. Petersburg, 2002. (In Russ.).

14. *Acts of the Caucasian Archeographic Commission*. Tiflis, 1868 Vol. II. (In Russ.).

15. *Acts of the Caucasian Archeographic Commission*. Tiflis, 1869 Vol. III. (In Russ.).

16. Pokrovsky M.N. *Diplomacy and the war of tsarist Russia in the XIX century*. M., 1923. (In Russ.).

17. *Acts of the Caucasian Archeographic Commission*. Tiflis, 1870 Vol. IV. (In Russ.).

18. Dubrovin N.F. Tormasov's work in the Caucasus *Military collection*. 1877 № 11: 8. (In Russ.).

19. *Acts of the Caucasian Archeographic Commission*. Tiflis, 1870 Vol. VI. Part 2. (In Russ.).

20. Lapin V.V. The strategy of the Russian army in the Caucasian wars of the 18th – 19th centuries *Military history journal*. № 12 2007: 20. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 11.04.2019 г.